

Сакура была умна, компетентна и хорошо выполняла приказы, а значит, людям искренне нравилось с ней работать. Это было совсем не так, как в случае с другими учениками, у которых голова болела совсем по другим причинам. До того как ее назначили к Айхаре Чо, кунину, у которого была своя репутация, она успела создать себе хорошую репутацию. Старший чунин не терпел безрассудства после того, что случилось с ее первой командой - один из ее товарищей был убежден, что, несмотря на приказ сенсея, он более чем готов к участию в военных действиях, и умудрился убить и себя, и другого товарища Айхары по отряду, когда тот не был готов, - и он решил, что позволил себе успокоиться, доверился тому, что Айхара выбирает миссии по принципу "лучше перестраховаться, чем потом жалеть".

На самом деле ему хотелось встряхнуть Генму до скрежета зубного, когда он узнает, как Сакура вообще связалась с кем-то вроде Гозена Рэйдзи, но, к сожалению, джонин был на задании. Поэтому он отправился в сторону небольшого скопления домов, которое, по сути, являлось пенсионерской общиной ANBU. Это было очень маленькое и замкнутое сообщество; требовался определенный тип человека, чтобы продержаться в АНБУ столько, сколько продержалось большинство из них, и миловидность не обязательно входила в число обязательных качеств.

О своем пребывании в ANBU он вспоминал без особой любви. В основном это были спецоперации ранга S, рискованные задания, выполняемые в несоюзнических странах без поддержки или подкрепления, если что-то пойдет не так. Это было не так уж плохо. Их хватало, чтобы не отвлекаться от текущих дел. Но не зря их называли "черными операциями". "Необходимые", но сомнительные с этической и моральной точек зрения...

Быть шиноби - значит жертвовать своим телом ради страны; быть АНБУ - иногда казалось, что продаешь за это часть своей души. В то время он думал, что настолько оцепенел от всего, что не будет иметь никакого значения, что делает его тело, но это было так. Так и было.

Какаши был вундеркиндом своего поколения, но он был достаточно мудр, чтобы понимать, что всегда есть кто-то. Кто-то лучше, кто-то быстрее, кто-то смертоноснее. Учиха Итачи, а до него Учиха Мадара прославили свои имена тем, что были непостижимо опасны.

Намикадзе Минато. Сендзю Хокаге. Третий. Это были герои деревни, их имена знал каждый генин. Они отбрасывали длинные тени, и в этих тенях жили шиноби, чьи имена так и не стали знаменитыми, потому что всю свою карьеру они провели за обесчеловечивающими масками. Особенно в первые дни существования деревень, когда пролитая кровь и груды трупов решали, какие деревни выживут в хаосе, какие из них в итоге станут Шиноби Годайкоку, Пятью Великими Странами Шиноби.

Какаши отвлекся от опасных мыслей, но в данный момент размышлять о Сакуре тоже было не очень удобно, ведь она познакомилась с женщиной, которую они называли Бабушкой Кошмара, всего неделю или две назад. Она знала ее достаточно давно и хорошо, в ее доме была маска, которая видела больше кровавых расправ, чем большинство шиноби за всю свою карьеру.

И хотя теперь он устраивал со своей бывшей ученицей такие вечера кино и спарринги, он успел забыть, что Сакура не такая, как все. Она улыбалась, притворялась, что в ее мире все

хорошо, но при этом уходила в свои проблемы, пытаясь решить их самостоятельно. Она не требовала, чтобы ее учили новым приемам - ни криком, ни угрюмым молчанием, - она просто брала то небольшое, что он мог дать, и обходилась тем, что находила сама. Она удивляла его, в основном приятными вещами, но вид этого ухмыляющегося рыжего лица потряс его не меньше, чем решение Сасукэ уйти.

Его мучило, что он не смог отличить кошмары, преследовавшие ее дома после Волны, от тех, что могли быть вызваны тем, что она делала с Гозеном. Сакура знала, кто она, кем была, что означает эта маска, потому что в противном случае она бы не стала отвлекаться на этот вопрос. Вопрос заключался в том, насколько далеко зашло это знакомство. Какаши не думал, что ему понравится ответ - Сакура была единственной, кто не имел неизбежной истории; если бы она взялась за создание своей собственной, он не знал, что бы сделал.

Кроме, может быть, того, что он делал всю свою жизнь для важных людей: появлялся слишком поздно, чтобы сделать хоть что-то, кроме как помочь выкарабкаться выжившим. А их было так мало.

А потом он оказался у дома женщины, которая когда-то носила эту зубастую маску, и вот она, маленькая старушка, сидит на крыльце, руки заняты вязанием. Он ждал, не признает ли она его, но раздавалось лишь ритмичное щелканье спиц.

Он прочистил горло. "Хороший день, не так ли?" - спросил он в разговоре.

"Хатаке, - укоризненно ответила Гозэн. "Я старая женщина. У меня не так много времени, чтобы ты тратил его впустую. Ты здесь из-за Сакуры".

"Да", - ответил он, лишь на мгновение ошеломленный ее прямоотой. "Я заметил маску, когда в последний раз был у нее дома. Как ни странно, она была похожа на твою".

"Ну, я же подарил ее ей", - честно признался Гозэн. "Так что, конечно, похожа. Теперь он ее, что бы она ни решила с ним делать. Как и все остальное, что я ей дал".

Он говорил себе, что это невозможно из-за того, что Гозэн хранила свои дзюцу, хотя инстинкты подсказывали ему, что это подозрительно, но это...

"Вы всегда отказывались передавать свои техники", - заметил он, почему-то надеясь, что она согласится, что речь идет о рецептах, узорах для вязания, даже о китчевой коллекции солонок.

"Это по-прежнему так", - согласилась Гозэн, и напряжение покинуло плечи Какаши, а дыхание вырвалось из него со вздохом облегчения. "Я унесу свои техники в могилу. Унаследованные техники - мертвые вещи: ты их выучил, выучил хорошо и думаешь, что на этом все. Не нужно быть гением, чтобы усовершенствовать их, сделать своими, чтобы они лучше соответствовали и дополняли твои способности, а не способности их создателя; за этим она может обратиться к другим. Но дзюцу, которые ты разрабатываешь сам, - это нечто живое. Это как воспитывать

детей. Сколько бы лет тебе ни было, ты никогда не закончишь. Это я передам Сакуре".

Она сделала небольшую паузу, а затем улыбнулась. "Помимо воспитания характера, не в моей натуре быть настолько щедрой, чтобы позволить кому-то прославиться на моей крови, поту и труде. Если Сакура освоит то, что я ей показал, то только потому, что она достаточно умна для этого. А не потому, что у нее такие проклятые глаза, - кисло пробормотала она, переводя взгляд на скрытый тканью и металлом шаринган. "Или потому, что она родилась в семье с правильной кровью и правильной историей".

Напряжение вернулось к его плечам, ползло по мышцам шеи, грозя вызвать головную боль. "Показали ей?" - повторил он с осторожной нейтральностью.

"Она приходила ко мне с кошмарами. Я дал ей лучшие", - ответил Гозен. "Они ей понадобятся, если Орочимару не усыпит этого отпрыска Учихи до того, как он станет достаточно взрослым, чтобы доставить много хлопот".

Какаши слегка вздрогнул: и от намека на то, что Сасукэ доставит деревне еще больше проблем, чем уже доставил, и от уверенности, что Сакура встретится с ним в бою. "Даже если она столкнется с Сасукэ, - заметил он, - у него есть Шаринган".

Губы Гозена искривились в усмешке. "Даже когда многие из них мертвы, ты все еще веришь в их миф, не так ли? Семья того мальчика совершила эту ошибку, думая, что эти глаза сделают их богами, но посмотрите, к чему это привело. Даже если бы они ими были, - сказала она с глубоким ироничным акцентом, - даже богов можно обмануть. И они могут умереть".

Когда Сакура познакомилась с Гозен-саном, она никогда не просила научить ее каким-либо техникам.

Поэтому она запомнила все гендзюцу, которые можно было найти в библиотеке (не очень много, хотя в теории человек может утонуть), и выучила все, чем мог поделиться Какаши-сенпай. А это было не так уж и много. Он не сказал этого, лишь намекнул, что всегда считал их несовместимыми со своим стилем. Судя по тому, как он рухнул в Волне, и по тому, что сказал Хонда-сан, использование Шарингана было для него почти таким же бременем, как использование Бьякугана для Тацуо, хотя и менее болезненным. В любом случае, не так уж много ниндзя использовали гендзюцу; а если они и пытались, то Какаши-сенпай просто не считала их стоящими того, чтобы тратить на них чакру.

Поэтому она сосредоточилась на других вещах. Возможно, не самых простых, потому что если бы они были простыми, разве не все бы умели использовать силу, усиленную чакрой, или медицинские дзюцу? Яды были проще, чем эти, потому что ими пользовались другие люди и потому что они вели войну с Суной. Существовали таблицы дозировок, бесконечные рекомендации по их поиску, использованию, усилению. И вдруг - или это казалось внезапным - у нее появились предпочтения, полевой опыт, признанные знания.

Но в то утро, когда она чувствовала себя несчастной, измученной и больной от вновь обретенной гадости, которая была темной стороной полового созревания, она осмелилась сделать нечто большее, чем просто отмахнуться от иллюзии жалящих красных муравьев, вырывающихся из земли. На этот раз она нанесла ответный удар, спрятав свои знаки в рыхлой грязи, в которой работала. Муген: Джубаку Сацу.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3441088>